

Чэн Хаоянь знал, что Чэнь Синьбо добился нынешних успехов тяжелым трудом, и в те моменты, когда ему было тяжело, находился ли рядом кто-то, кто мог бы его утешить.

Электронный голос напомнил, что во время представления нельзя шуметь, и после призыва к культурному просмотру света в зале погасли, оставив лишь освещенной саму сцену.

На сцену один за другим поднялись музыканты в фраках и с инструментами в руках. Они чинно уселись на места, и по взмаху палочки дирижера зазвучали первые ноты.

Чэн Хаояню доводилось бывать на концертах и раньше, но даже для такого дилетанта, как он, этот вечер казался невероятно высоким по уровню исполнения.

Живое звучание разительно отличалось от того, что можно было услышать на компакт-диске.

В первом отделении звучала Шестая симфония Бетховена «Пасторальная». Чэн Хаоянь никак не мог связать услышанную музыку с названием произведения.

Но удивительным было то, что он отчетливо улавливал эмоции, заложенные в мелодии.

Легкий и быстрый темп дарил ощущение радости и безмятежности; глухие, тяжелые звуки тревожили предчувствием чего-то недоброго, словно надвигалась грозовая туча.

Первое отделение завершилось пятнадцатиминутным перерывом, и Чэн Хаоянь, решив, что ему всё-таки нравится классическая музыка, воодушевленно и без умолку принялся делиться впечатлениями с Чэнь Синьбо.

Глядя на то, как с лица парня исчезло мрачное выражение и на нем вновь засияла непринужденная, лучезарная улыбка, Чэнь Синьбо почувствовал облегчение — казалось, эта улыбка передалась и ему самому.

Перерыв пролетел быстро. Стоило зазвучать музыке второго отделения, как Чэн Хаоянь снова с головой погрузился в происходящее: эту композицию он слышал много раз, это была Пятая симфония Бетховена «Судьба».

Грозные, мощные вступительные аккорды врезались в память раз и навсегда. Этот наполненный потрясающей силой классический фрагмент невозможно было выбросить из головы.

Страстная, энергичная музыка несла в себе дух борьбы — негиббемый и стремящийся только вперед.

Лирическая мелодия с ее мягким, прекрасным и светлым звучанием контрастировала с

началом, символизируя жажду счастья и стремление к нему.

Музыка свободно устремлялась ввысь, диапазон оркестра расширялся, громкость нарастала от тихого к мощному, тональность сменялась с мрачной на лучезарную, и звонкие аккорды вливались в грандиозный финал.

После этого полилась легкая музыка, полная света и абсолютной радости, рисующая яркую картину триумфа.

Чэн Хаоянь понял: именно это Чэнь Синьбо и хотел ему показать.

Концерт закончился, но Чэн Хаоянь всё еще сидел на своем месте, чувствуя, что никак не может вырваться из плена этих эмоций.

Чэнь Синьбо не торопил его, просто молча ожидая рядом.

— Почему ты захотел, чтобы я это послушал?

— В жизни бывают и трудности, и неудачи, и несчастья, но есть в ней радость, успех и надежда — это и называется судьбой. Однако человек не должен слепо покоряться ее воле.

Голос Чэнь Синьбо звучал тихо и неторопливо, но в нем чувствовалась огромная сила.

Чэн Хаоянь подумал, что, пожалуй, загнать себя в тупик смог только он сам.

Видя, что Чэн Хаоянь снова готов погрузиться в раздумья, Чэнь Синьбо хлопнул его по плечу:

— Пойдем, поужинаем.

Стоило заговорить о еде, как Чэн Хаоянь тут же ощутил голод.

Хотя внешне Чэн Хаоянь выглядел простоватым, глупцом он не был. Напротив, он обладал острым умом и четким представлением о собственном будущем — ему лишь требовалось изредка получать подсказки в нужный момент.

Они нашли симпатичный ресторанчик неподалеку от оперного театра. Сбросив тяжелый груз с души, Чэн Хаоянь наслаждался ужином с таким аппетитом, что опомнился лишь тогда, когда его живот стал круглым, как мяч.

Чэн Хаоянь подумай он о том, что здесь сейчас находится Мэн Ваньчжоу, та непременно оттащила бы его за уши.

За время вынужденного простоя без работы он, кажется, прилично набрал в весе.

— Ты должен был напомнить мне есть поменьше! — в голосе Чэн Хаояня сами собой прорезались капризные нотки.

На город опускались сумерки, зажигались неоновые огни. Ночь напоминала гигантскую палитру, идеально сочетававшую столичную суету и безмятежность: ряды высотных зданий переливались всеми цветами радуги, словно сошедшие с полотен многослойные пейзажи.

— В следующий раз обязательно напомню, — усмехнулся Чэнь Синьбо, и в отблесках неоновых вывесок его улыбка показалась еще более привлекательной. — Подбросить тебя до дома?

Поддавшись двойному искушению ночной прохлады и обаяния собеседника, Чэн Хаоянь в каком-то тумане согласился, совершенно благополучно позабыв о собственной машине, оставленной у больницы.

Попрощавшись с Чэнь Синьбо и вернувшись домой, Чэн Хаоянь обнаружил, что компания уже опубликовала официальное заявление о его уходе из текущего проекта по состоянию здоровья.

Чэн Хаоянь отправил Мэн Ваньчжоу сообщение:

Брат, я всё обдумал. Тот сценарий из компании я хочу взять. Ты можешь мне помочь?

Вскоре пришел ответ от Мэн Ваньчжоу: Хорошо.

Этот сценарий Чэн Хаоянь читал и раньше: хотя ему предлагали второстепенную роль, для него самого это было серьезнейшим испытанием — как в плане актерского мастерства, так и физических сил.

История рассказывала о наркоторговцах и полицейских, а Чэн Хаояню предстояло сыграть подростка из глухой горной деревушки. С самого рождения это селение служило перевалочной базой для наркоторговцев, и с юных лет мальчику прививали извращенные понятия о морали, однако душа его оставалась чистой — это было воплощение незамутненного зла.

И вот такой парень сталкивался с главным героем, что влекло за собой череду столкновений.

Из-за специфики съемок работать предстояло в крайне отдаленной местности, а для склонного к аллергии организма Чэн Хаояня это таило в себе немалую опасность.

И хотя сценарий был великолепным, когда Мэн Ваньчжоу впервые заговорила о нем, сам он всё равно колебался.

Он боялся не справиться с ролью, боялся, что у него не хватит выносливости.

Но если он хотел сделать шаг вперед, этот сценарий должен был стать его первым шагом.

Утром следующего дня, закончив тренировку, Чэн Хаоянь развалился на диване с телефоном в руках, собираясь проверить новости, и с удивления обнаружил, что они с доктором Чэнь Синьбо трендят всюю.

В сеть слили фотографии, сделанные вчера, когда они выходили из больницы.

Какой же Чэн Хаоянь красавец!

Я подписалась на него именно из-за его внешности.

Кто этот парень рядом с ним? Новичок? Почему о нем раньше ничего не было слышно? С таким лицом грех не быть звездой!

Наверное, ассистент или менеджер какой-нибудь? Постойте, это же больница! Буквально вчера вышло заявление, что Чэн Хаоянь покидает съемки из-за проблем со здоровьем.

У меня есть минута, выньте и положите мне всю информацию об этом парне в черном.

Да я же сам вчера столкнулся с ними в кожном отделении, когда ходил к врачу! Кто понимает каково это — обернуться и увидеть двух писанных красавцев?

...

Обсуждения в сети бушевали всюю.

Мысленно Чэн Хаоянь только фыркал: какой еще менеджер, это же главный врач! Кто бы мог подумать! Рассматривая крупным планом четкие фотографии Чэнь Синьбо, Чэн Хаоянь невольно сглотнул слюну — снимки и правда удались на славу! — после чего его пальцы заплясали по экрану, сохраняя картинки.

О, эта одиночная фотография хороша! А эта парная вообще шедевр, поставлю-ка ее на заставку...

В самый разгар этого увлекательного занятия раздался звонок в дверь, да такой громкий, что Чэн Хаоянь чуть не выронил телефон из рук.

Открыв дверь, он увидел Мэн Ваньчжоу с пакетом в руках. Приняв ношу, Чэн Хаоянь провел ее

в прихожую и с любопытством уставился на сверток.

— Принесла тебе сценарий, — заметила его взгляд Мэн Ваньчжоу.

— Ты видела тренды? Кто этот человек на фото?

В прошлый раз, когда Мэн Ваньчжоу забирала Чэн Хаояня из больницы, медсестра вызывала ее по телефону, так что саму встречу с Чэнь Синьбо она пропустила.

— Это... мой лечащий врач! Я ходил... я ходил к нему на повторный прием!

Мэн Ваньчжоу была слишком занята рабочими делами и не заметила виноватого выражения на лице Чэн Хаояня.

— Твоя аллергия ведь уже прошла... Впрочем, неважно, сейчас не об этом. Не обращай внимания на эти тренды, через пару дней шумиха уляжется. Тем более что тебе скоро заходить на съемочную площадку — как раз для съемок в том проекте, который ты просил взять вчера.

— Понял, сестрица!

Мэн Ваньчжоу достала телефон, собираясь заняться делами, и тут...

— Чэн Хаоянь! Разве я не просила тебя не лезть туда?! Зачем ты поставил лайк?!

Мэн Ваньчжоу увидела свежий пост: Ааааа, Чэн Хаоянь лайкнул нашу с ним общую фотографию! Ааааа!

Ей казалось, что от злости у нее сейчас раскрошатся коренные зубы.

— А? Ой! Сестрица Мэн, ты так внезапно позвонила в дверь, я испугался, наверное, случайно нажал. Да и отменять лайк уже поздно, пожалуй!

А? То есть я еще и виновата?

Мэн Ваньчжоу чувствовала, что ее голова раскалывается по швам. Каждый день с этим парнем казался еще одним поводом подать заявление об уходе.

Те самые тренды, разумеется, увидел и Чэнь Синьбо. В больнице всюду шли бурные обсуждения, просто статус главного врача удерживал коллег от совсем уж безумных выходов.

Чжун Ситан кусала платок и рыдала от избытка чувств: наконец-то хоть кто-то оценил внешность их заведующего! Но почему никто не шипперит их вместе?!

Чэнь Синьбо сидел в кабинете и разговаривал по телефону, из динамика доносился мужской голос:

— Ну как, понравился концерт?

— Неплохо. Спасибо.

— Ну раз хочешь отблагодарить меня, то ты...

Собеседник на том конце провода даже не успел договорить, как Чэнь Синьбо оборвал его:

— Не пойду!

— Эй, погоди! Ты даже не дослушал.

— Цц! — Чэнь Синьбо нетерпеливо цыкнул языком.

— Ого! Ты еще и цыкаешь на меня? Поразительно, как ты можешь так обращаться со своим лучшим другом!

— Ты ведь просто хочешь затащить меня в съёмочную группу в качестве врача сопровождения? Не поеду!

— Послушай! Ты сейчас стал такой знаменитостью, глядишь, и фанатки начнут преследовать, тебе...

— Нет.

И не желая больше слушать пустые разговоры, Чэнь Синьбо уже собрался сбросить вызов.

— Эй! Постой! Постой-постой-постой! — испуганно завопил голос из трубки. — Тот парень, что засветился с тобой на фото, тоже едет...

Он замолчал, словно выжидая реакции Чэнь Синьбо.

Палец, занесенный над кнопкой сброса вызова, замер. Чэнь Синьбо молчал.

— Не хочешь? Ну тогда ладно?

В голосе собеседника слышалось притворное разочарование, но последняя интонация выдавала его торжество с головой.

На руке Чэнь Синьбо, сжимавшей телефон, вздулись вены. От избытка сил кончики пальцев побелели, и он процедил сквозь зубы всего одно слово:

— Поеду.

Тем временем над самим Чэн Хаоянем сгустились тучи: Мэн Ваньчжоу заметила, что этот паршивец поправился!

Вплоть до самого первого съемочного дня жизнь Чэн Хаояня была расписана по минутам: в перерывах между доскональным разбором сценария он качался в зале.

В отличие от звездного статуса Чэн Хаояня средней руки, исполнитель главной роли был настоящей опорой и лицом компании — Хуан Лэжун.

Он же служил для Чэн Хаояня ориентиром, к которому стоило стремиться!

К тому же в этот раз руководство решило опробовать схему «старожилы подтягивают новичков», так что к игре Чэн Хаояня приковывалось особое внимание.

И хотя увидеться с Чэнь Синьбо возможности не было, Чэн Хаоянь отправлял ему сообщения с завидным постоянством, готовый вывалить отчет обо всем, что происходило с ним за все двадцать четыре часа суток.

Раньше Чэнь Синьбо не проявлял особого интереса к социальным сетям, но в последнее время Чжун Ситан регулярно проедала ему плешь рассказами о новых постах Чэн Хаояня в инстаграме, так что в конце концов раззадорила и самого доктора.

Заведя собственный аккаунт, Чэнь Синьбо быстро нашел страничку Чэн Хаояня. Тот выкладывал снимки из домашнего спортзала, фотографии еды, старые профессиональные фотосессии и просто милые селфи вблизи камеры.

В итоге Чэн Хаоянь стал единственным пользователем, за обновлениями которого следил Чэнь Синьбо.

Время до старта пролетело незаметно. Сегодня предстояла церемония начала съемок, на которой должны были присутствовать все актеры и ключевой персонал — прекрасная возможность для участников группы познакомиться поближе.

На предыдущей читке сценария основное внимание уделялось работе с режиссером и деталям сюжета, так что времени на общение друг с другом у актеров почти не оставалось.

А сразу после завершения церемонии съёмочной группе предстояло собирать вещи и выдвигаться на локацию.

Напоследок Чэн Хаоянь с замиранием сердца отправил Чэнь Синьбо последнее сообщение:

Совсем скоро я уезжаю на съемки. Говорят, в тех местах нет связи, но ты не переживай за меня! Просто я так долго не увижусь с тобой, буду скучать! Только что отправив сообщение, Чэн Хаоянь был тут же утянут Мэн Ваньчжоу здороваться с остальными. Пробыв в хлопотах довольно долго, он наконец заметил ответ Чэнь Синьбо, но этот ответ лишь озадачил парня: в нём было всего два коротких слова — не умею.

После этого, как бы Чэн Хаоянь ни писал, собеседник больше не отзывался.

Поскольку у Чэн Хаояня сцены были запланированы не так быстро, на съёмочную площадку они отправились только на следующий день.

Чэн Хаоянь следовал за съёмочной группой, всю дорогу пребывая в растерянности, пока не увидел мужчину, лениво сидевшего на стуле.

Чэн Хаоянь в удивлении приоткрыл рот, указывая в ту сторону пальцем, но его глаза искрились — очевидно, он находился в состоянии сильнейшего восторга.

— Ого! Чэн Хаоянь! — поприветствовал его сидевший рядом с мужчиной человек. Это был Хуан Лэжун. Заметив изумлённое лицо Чэн Хаояня, он заботливо пояснил: — Это наш врач сопровождения, Чэнь Синьбо, я его пригласил. — При этом он ещё и закинул руку Чэнь Синьбо на плечо.

Чэнь Синьбо нахмурился и без лишних слов стряхнул чужую руку.

Чэн Хаоянь наконец обрёл голос и вежливо поздоровался с коллегой:

— Здравствуйте, брат. Но разве Чэнь Синьбо не дерматолог?

Впрочем, уголки его губ взметались вверх, выдавая неукротимое волнение.

— Он лишь практикует дерматологию, а умеет он куда больше. — Хуан Лэжун ничуть не расстроился из-за сброшенной руки, привычным жестом подойдя к Чэн Хаояню и снова опустив ладонь ему на плечо. — Ты же помнишь ту стену целиком, заставленную медицинскими книгами в его кабинете?



При этих словах Чэн Хаоянь одобрительно кивнул. Хуан Лэжун, пользуясь тем, что остальные не смотрят, бросил взгляд в сторону Чэнь Синьбо и одарил человека с ещё сильнее нахмуренными бровями вызывающей улыбкой.

Мэн Ваньчжоу поинтересовалась:

— Вы все знакомы?

Ей просто показалось, что этот врач сопровождения выглядит смутно знакомым.

— Ага! — Хуан Лэжун стёр с лица улыбку и принял деловитый вид. — Мы с Чэнь Синьбо однокурсники по университету. Хотя учились на разных факультетах, по разным причинам неплохо ладим~ К тому же, Мэн Ваньчжоу, ты ведь должна была видеть Чэнь Синьбо: не так давно он попал в тренды вместе с твоим подопечным.

Только тут Мэн Ваньчжоу сообразила, почему лицо показалось ей знакомым.

Тогда она была занята разругиванием ситуации с Чэн Хаоянем и не стала особо вглядываться в фотографии. А теперь, присмотревшись к Чэнь Синьбо, Мэн Ваньчжоу невольно цокнула языком: отличный же материал, если заполучить его к себе в агентство в качестве артиста...

— Он был моим лечащим врачом, когда у меня случилась аллергия! — поспешно вставил пояснение Чэн Хаоянь.

Видя, что они вдоволь наговорились, Чэнь Синьбо поднялся и неторопливо произнёс:

— Здравствуйте, я Чэнь Синьбо, ваш врач сопровождения на этой съёмочной площадке.

Базовые представления подошли к концу, и пока остальные расходились, Чэн Хаоянь подбежал к Чэнь Синьбо:

— Брат! Что случилось? Почему ты не отвечал на мои сообщения?

Чэн Хаоянь посмотрел на стоявшего перед ним с несчастным видом человека, беспомощно извлёк телефон и ткнул пальцем в значок шкалы без сигнала в правом верхнем углу:

— Я тоже хотел тебе ответить, Чэн Хаоянь.

Вот чёрт, сам-то он об этом даже не подумал! К тому же сам ведь говорил, что в горах нет связи!

Однако Чэн Хаоянь сейчас об этом думал в последнюю очередь. Он не видел Чэнь Синьбо уже очень давно, а только что ещё и столкнулся с его холодным отношением. И хотя до этого он силой заставлял себя сохранять хладнокровие, стоило ему увидеть Чэнь Синьбо, как вся эта броня пала. Каждая эмоция кричала о том, что на самом деле он ужасно переживал.

Чэн Хаоянь протянул руку, зацепив Чэнь Синьбо за пальцы, и не забыл прикрыть его корпусом от возможных взглядов со стороны. Его глаза сияли глядя на Чэнь Синьбо чистым звёздным блеском, яркие и лучезарные — в них правдивейшим образом отражались любые, даже самые сложные чувства:

— Всё это время я очень сильно скучал по тебе. А ты?

Ответа от Чэнь Синьбо Чэн Хаоянь так и не дождался: стоило тому только приоткрыть рот, как их прервали — ассистентка звала готовиться к гриму.

Стоило девушке подбежать, как Чэн Хаоянь с чувством вины выпустил руку Чэнь Синьбо. В тот самый миг прерванного разговора у него вдруг пропала всякая храбрость, чтобы услышать ответ.

Сидя в палатке для грима, Чэн Хаоянь чувствовал, как в груди безумно колотится сердце. С одной стороны, он даже радовался, что его прервали, а с другой — злился на собственную робость.

Поскольку кожа у Чэн Хаояня была очень светлой, гримёры щедро мазали его лицо и тело тёмным тональным кремом, превращая практически все открытые участки кожи в загорелые, пшеничные.

Выйдя из гримёрки после создания образа, Чэн Хаоянь словно преобразился.

Его кожа выглядела грубоватой и лишённой лоска, опалённая солнцем до глубокого бурого оттенка, глаза сияли звёздами, брови густые и выразительные — весь он напоминал ещё не ограненный нефрит, чистый и сияющий.

Поскольку съёмочная группа только прибыла и многое ещё не успели подготовить, сегодня им предстояло отснять лишь промо-тизер.

Задание Чэн Хаояня сводилось в основном к одной сцене: простой и бесхитростный деревенский паренёк с бамбуковой корзиной за спиной спускается с гор.

Для Чэн Хаояня такое амплуа требовало лишь естественной игры, да и постановочных движений оказалось немного, так что всё сняли с первого дубля.

Хуан Лэжун закончил свою часть работы намного раньше, а услышав, что настала очередь Чэн

Хаояня, прибежал посмотреть на суету.

В конце концов, это был его младший коллега, к тому же хотелось оценить его способности в деле.

Посмотрев на игру Чэн Хаояня, Хуан Лэжун с улыбкой на губах замер перед камерой, слегка прищурившись и погрузившись в раздумья.

— Чэн Хаоянь, — после команды «снято» Чэн Хаоянь сидел в стороне отдыхая, когда услышал, что его зовет Хуан Лэжун. Он поднялся и поприветствовал старшего.

Хуан Лэжун ответил на приветствие, уселся на соседний стул и хлопнул Чэн Хаояня по плечу, приглашая присесть рядом:

— Хотя в таком образе ты играешь неплохо, мне кажется, не стоит останавливаться на достигнутом, если ты всерьёз намерен стать актёром.

— Я хочу стать актёром. — Для Чэн Хаояня это вообще не было вопросом: с самого начала и по сей день его стремления оставались неизменными. Когда Чэн Хаоянь был совсем маленьким, он смотрел истории по телевизору, и профессия актера казалась ему невероятно притягательной.

Поэтому сразу после окончания университета он дебютировал, и хотя последние несколько лет выдались не самыми простыми, это ничуть не убавило его пыла.

Хуан Лэжун оперелся рукой о спинку стула, подпер голову и произнес:

— Значит, тебе чего-то не хватает. В тебе есть простота, есть чистота, есть искренность, но что еще должно быть? — Хуан Лэжун слегка приподнял подбородок, направляя взгляд Чэн Хаояня туда, куда сам смотрел. — Тебе нужно самому понаблюдать.

У подножия холма несколько мальчишек в грубых конопляных одеждах, с обнаженными торсами и закатанными штанинами стояли прямо в реке. Вооружившись заостренными палками, они неотрывно следили за рыбой в воде.

Развлечений у деревенских ребят было немного, и подобные занятия, позволяющие и брюхо набить, и забавно провести время, пользовались огромной популярностью.

Вокруг простирались в основном сплошные горные хребты, а просторных полей не было и в помине, поэтому местным жителям, помимо земледелия, приходилось заниматься скотоводством, собирать целебные травы и даже охотиться.

Стиль работы Чэн Хаояня всегда отличался прямоотой и страстью. Его методы были простоваты, но неизменно приносили результат.

Если что-то не удавалось понять со стороны, нужно было просто присоединиться к ним и стать частью этого мира.

В этой сфере деятельности Чэн Хаоянь вовсе не считался самым талантливым, и многие его

ровесники, дебютировавшие в то же время, пользовались куда большей популярностью.

И тем не менее, Чэн Хаоянь неизменно оставался одним из самых усердных.

Сказав это, Хуан Лэжун не ушел, а с живым интересом принялся наблюдать, какой шаг Чэн Хаоянь сделает дальше. Только Чэн Хаоянь поднялся на ноги, как под удивленным взглядом Хуан Лэжуна подошел к берегу реки. Тот заметил, что Чэн Хаоянь с улыбкой заговорил с ними.

Сначала подростки немного смущались. Глядя на красивого, изящного юношу в чистой одежде, они невольно испытывали некоторую неполноценность.

Чэн Хаоянь не обращал внимания на их робость. Он улыбался так непринужденно и просто — всего лишь чистый, симпатичный парень, который искренне попросил их обучить его секретам развлечений и захотел присоединиться к их игре, так что Чэн Хаоянь очень быстро влился в их компанию.

Подростки с энтузиазмом передавали Чэн Хаояню тонкости игры и показывали всё на примерах.

Чэн Хаоянь никогда раньше не занимался ничем подобным, поэтому неизбежно казался немного неуклюжим. И именно эта неуклюжесть позволила подросткам отбросить всякое смущение и еще сильнее сблизиться с ним — вскоре Чэн Хаоянь тоже кое-чему научился.

Казалось, они радовались этому даже больше, чем он сам.

Чэн Хаоянь с улыбкой хвалил их за ловкость и прекрасное обучение, отчего желание подростков проявить себя разгорелось с новой силой. Они наперебой рассказывали о том, что умеют, и делились своими историями, готовые выложить ему всё, что знали.

Чэн Хаоянь же внимательно слушал их, и каким бы скучным ни казался рассказ, неизменно отзывался на него, давая понять, что слушает со всем вниманием.

Он не выказывал презрения или нетерпения, а напротив, улыбался, и в его глазах горел огонек, подбадривающий их продолжать.

Точно так же, как и все остальные, кто попадал под его очарование, эти подростки тоже не смогли устоять. Их горная деревня из-за своей удаленности редко видела чужаков, не говоря уже о съемках телепередачи, так что для местных жителей это стало настоящим и диковинным зрением.

Чэн Хаоянь от начала и до конца улыбался, то и дело выражая удивление или восхищение в ответ на рассказы мальчишек. Рядом с таким благодарным слушателем они сыпали словами, как горохом, и не могли остановиться.

Среди группы шестнадцати-семнадцатилетних подростков Чэн Хаоянь выглядел совершенно естественно — казалось, он и должен здесь находиться.

Небо постепенно темнело, и мальчишки пригласили Чэн Хаояня в гости: им хотелось рассказать еще очень многое, а также послушать о том, что происходит за пределами гор.

Предупредив съемочную группу, Чэн Хаоянь последовал за ними.

В последнее время съемочная группа в основном ночевала в этой горной деревне, арендуя комнаты или договариваясь с местными о еде.

Город находился далеко, на машине ехать не меньше двух-трех часов, да и горная дорога была ухабистой, так что ездить туда-обратно каждый день не представлялось возможным.

На холме позади Чэн Хаояня стояли два человека и наблюдали за ним. Один из них хлопнул другого по плечу и фыркнул:

— Пфф! Больше не могу сдерживаться, твой паренек просто невероятен!

Хуан Лэжун перебирал в уме множество способов, какими Чэн Хаоянь мог бы войти в роль, но он никак не ожидал, что тот впишется в обстановку так быстро.

Чэнь Синьбо смотрел на удаляющуюся спину Чэн Хаояня, невольно улыбаясь с досадой:

— Он всегда такой.

— Ну как, юный господин? — Хуан Лэжун закинул локоть на плечо Чэнь Синьбо. — Эта обстановка не слишком тебя тяготит?

— Нисколько. Когда я ездил на волонтерские медосмотры, условия были куда хуже. К тому же... — Чэнь Синьбо резко сменил тон: — Зная, как здесь паршиво, зачем ты звал меня с собой?

— Ха-ха-ха, трудности делят с верными друзьями! Завтра уже начинаются официальные съемки, как думаешь, он справится? Для паренька это задачка со звездочкой~ — Хуан Лэжун махнул рукой в сторону Чэн Хаояня.

— Он сможет. — Чэнь Синьбо наконец оторвал взгляд, прилипший к Чэн Хаояню, и покосился на собеседника. — Лучше побеспокойся о собственных заботах.

Поскольку локоть Хуан Лэжуна лежал на плече Чэнь Синьбо уже довольно долго, он решил нагнать дальше и незаметно перенес на него часть своего веса.

Чэнь Синьбо тут же отскочил в сторону, и лишенный опоры Хуан Лэжун качнулся и чуть не рухнул на землю.

Уже начал его защищать?

После ужина местные жители тепло пригласили Чэн Хаояня остаться у них на ночь, и тот согласился.

Вечером Чэн Хаоянь сидел во дворе, наслаждаясь прохладой. Ночное небо в горах было поистине прекрасным: усыпанное мириадами звезд, с высоко висящей яркой луной, оно словно маяк разгоняло темноту. В городе такого зрелища не увидишь.

Глядя на это небо, Чэн Хаоянь успокоился, и в памяти всплыли его последние слова, сказанные Чэнь Синьбо.

А ты?

Каким бы был его ответ?

Горный ветерок пронесся мимо, заставив его пряди едва заметно колыхнуться.

Хлоп! Звук удара ладони о кожу резко нарушил царившую тишину.

Чэн Хаоянь поднял руку и посмотрел на кровь на собственной ладони.

— И всё же у любого великолепия и тайных девичьих дум своя цена.

Бормоча себе под нос, Чэн Хаоянь почесал вздувшийся на ноге волдырь от комариного укуса и, поднявшись на ноги, быстрым шагом направился в дом.

Честно говоря, Чэн Хаоянь впервые оказывался в подобной обстановке, спалось ему ночью неважно, а на следующее утро он даже чувствовал, что всё тело зудит.

Почесывая шею, он направился к съёмочной площадке и, едва добравшись туда, увидел Чэнь Синьбо, выходящего из палатки с медицинской аптечкой в руках.

Их взгляды встретились, и Чэн Хаоянь счастливо улыбнулся, а уголки его губ изогнулись в изящную дугу, напоминая пенящиеся морские волны.

Затем он подбежал к Чэнь Синьбо:

— Брат, что-то случилось? Почему ты с аптечкой?

Чэнь Синьбо посмотрел на Чэн Хаояня, и его взгляд опустился на слегка покрасневшую заднюю часть шеи парня.

Чэнь Синьбо присел на корточки и, открывая аптечку, произнес:

— Ничего особенного, в горах много мошек, вчера кое-кто не уберегся и его укусил ядовитый жук.

Чэнь Синьбо достал тюбик с мазью и выдавил полоску на указательный палец:

— Повернись, Чэн Хаоянь.

Чэн Хаоянь послушно повернулся, а Чэнь Синьбо, не отрывая сосредоточенного взгляда, легко и бережно стал втирать лекарство в покрасневшее место.

Чэн Хаоянь почувствовал приятную прохладу мази, мягкие и теплые пальцы, аккуратно и тщательно распределяющие средство, и то, как слегка длинноватые ногти касаются кожи.

Вскоре неприятные ощущения на коже сменились освежающим холонком.

На удивление, оба молчали, но для Чэнь Синьбо этот вопрос вовсе не требовал раздумий.

Он приехал сюда не только потому, что беспокоился о здоровье Чэн Хаояня.

Чэнь Синьбо давным-давно слышал от Хуан Лэжуна, что тому предстоит надолго уехать на съёмки в какое-то место, поэтому, узнав, что Чэн Хаоянь тоже там будет, он без малейших колебаний дал согласие.

Когда-то он, возможно, и смог бы смириться с тем, что долго не видит Чэн Хаояня, и с тем, что Чэн Хаоянь его не знает.

Но теперь Чэн Хаоянь находился на расстоянии вытянутой руки, и все те «можно смириться», что были в прошлом, вмиг стали невозможными.

— Можешь понаблюдать за мной, когда у меня будут сцены? — тишину нарушил голос Чэн Хаояня.

Чэнь Синьбо слегка растерялся, но всё же ответил:

— Хорошо.

Вчера вечером Чэн Хаоянь долго размышлял: у него больше не было сил отрицать, что сейчас он действительно очень сильно любит Чэнь Синьбо.

Действительно ли он так хотел узнать тот ответ?

Правда заключалась в том, что этот ответ уже не имел для него прежнего значения. Независимо от того, испытывает ли Чэнь Синьбо к нему чувства, больше всего ему хотелось, чтобы Чэн Синьбо просто смотрел на него. Он верил, что безразличен этому человеку и вполне способен тронуть его сердце.

А теперь от него требовалось лишь стараться изо всех сил, стать еще чуточку лучше — и в один прекрасный день тот поймет, что не может жить без него.

— Чэн Хаоянь, — уходя, Чэнь Синьбо неожиданно окликнул его: — Луна встречает облака, цветы встречают легкий ветер, сегодня ночью прекрасное небо.

Чэн Хаоянь опешил: неужели тот хочет, чтобы он полюбовался ночным небом? Он только было собрался спросить, но режиссер уже позвал его, и Чэн Хаояню пришлось загнать все вопросы вглубь души.

Сегодня снимали сцену, по сюжету которой Ян Сывэй в исполнении Хуан Лэжуна получает секретное предписание от вышестоящего руководства и отправляется с проверкой в затерянную в горах маленькую деревеньку. Все улики вели именно туда, однако каждый, кто приезжал проверять это место раньше, утверждал, что в деревушке всё в порядке.

Это была сцена первой встречи преодолевшего долгий путь Ян Сывэя и встречающего его в деревне Лу Аньяня, роль которого исполнял Чэн Хаоянь.

Приближалась очередь Чэн Хаояня, и он неизбежно нервничал: ему впервые предстояло играть в паре с актером такого уровня, от одного лишь взгляда со стороны становилось жутко тревожно.

Глаза Чэн Хаояня забегали по сторонам, пока он наконец не отыскал тот спокойный взгляд.

Да, Чэн Синьбо смотрел прямо на него.

Получив это подтверждение и вновь встретившись глазами с тем взглядом, Чэн Хаоянь почувствовал, как его беспокойство постепенно утихает.

Едва выбравшись из машины, Ян Сывэй принялся отчитывать и костерить на чем свет стоит старших товарищей из отдела по борьбе с наркотиками — немудрено, что никто из них и носа сюда не кал: такая поездка кого угодно измотает! Сначала три дня на поезде, после поезда еще часов семь-восемь на междугороднем автобусе, добрались до уездного городка, а оттуда еще целый час трястись на трехколесном мотоцикле до поселка. И ведь обещали, что кто-то встретит — и где люди?! Где транспорт?!

— Вы учитель Ян Сывэй? — раздался за спиной мальчишеский голос.

Ян Сывэй прибыл под прикрытием в качестве учителя-волонтера.

Обернувшись, он увидел юношу в слегка выцветшей, потрепанной, но безупречно чистой рубашке.

Тот смотрел на него чистыми, ясными глазами и стоял за спиной Ян Сывэя с легким оттенком робости.

По задумке режиссера, перед тем как окликнуть Ян Сывэя, Лу Аньянь хотел было похлопать того по плечу, но, заметив белую рубашку гостя и словно опасаясь испачкать ее, украдкой отдернул руку.

Заметив это, режиссер аж засиял: он никак не ожидал, что этот парень окажется таким способным к перевоплощению.

Чэн Синьбо, стоявший по правую руку позади режиссера, разумеется, тоже всё увидел. Уголки его губ приподнялись, а во взгляде читалась гордость: не зря это мой мальчишка.

Чэн Хаоянь впервые наблюдал за съёмками вживую, и эта атмосфера его тоже захватила.

— Это я. А ты?



— Меня отправили из деревни встретить вас, меня зовут Лу Аньянь, — улыбнулся мальчик.

Кожа этого деревенского паренька была слегка тронута южным загаром, но при этом излучала здоровое сияние. Когда он улыбался, обнажались белоснежные зубы, а его лучезарная улыбка располагала к себе.

Лу Аньянь указал на стоящую позади телегу, запряженную быком, и с самой прекрасной улыбкой произнес то, от чего у Ян Сывэя чуть сердце не упало:

— Дальше мы поедem на ней!

После трехколесного мотоцикла — телега с быком?

Лицо Ян Сывэя выражало полное крушение всех надежд.

Глядя на то, как Ян Сывэй вперился взглядом в телегу, Лу Аньянь, словно что-то сообразив, взобрался на нее и рукавом тщательно смахнул пыль с сиденья:

— Я протер! Не переживайте, — с этими словами он даже показал Ян Сывэю рукав, которым только что вытирал скамью: — Очень чисто!

Ян Сывэй почувствовал, как у него слегка защемило сердце.

Первая сцена прошла очень гладко, и, хлопнув хлопущкой, Хуан Лэжун показал Чэн Хаояню большой палец:

— Хорошо сыграно.

Услышав это, Чэн Хаоянь улыбнулся и поблагодарил Хуан Лэжуна. Играя в паре с ним, он отчетливо чувствовал, насколько тот силен и сколь уважения заслуживает как старший коллега, у которого самому еще учиться и учиться.

Затем Чэн Хаоянь с гордым видом посмотрел на Чэнь Синьбо. Когда он улыбался, солнечный свет играл на его лице, словно переливающаяся золотая мелодия.

Дни пролетали быстро, съёмочный процесс неуклонно продвигался вперед. С того самого дня, чтобы удобнее было присматривать за здоровьем Чэн Хаояня, Чэнь Синьбо поселился с ним в одной комнате.

Мэн Ваньчжоу вынужден был признать: иметь под боком личного дерматолога — это огромное благо. Под неусыпным контролем находилось всё: от ежедневного рациона до малейшего покраснения кожи, так что аллергия Чэн Хаояня пресекалась на самом корню.

К сожалению, у самого Чэн Хаояня совершенно не оставалось ни времени, ни сил на то, чтобы в полной мере прочувствовать радость совместной жизни под одной крышей с Чэнь Синьбо.

К тому же последние дни съёмки давались тяжело, пришлось даже провести несколько ночей без сна.

Причина неудач крылась главным образом в нем самом: ему не хватало жесткости.

Самым трудным в образе Лу Аньяня была не деревенская простота, а его безжалостность.

Раньше Чэн Хаояню не доводилось сталкиваться с подобными персонажами.

Режиссер хотел снять крупный план, а это предъявляло высочайшие требования к игре глазами, однако у Чэн Хаояня никак не получалось сделать всё как надо.

Закончив съёмки на сегодня, режиссер предупредил Чэн Хаояня, что вскоре они возобновят попытки и переснимут этот дубль.

Воспользовавшись свободным временем, Чэн Хаоянь устроился в кресле с фильмом про полицейских и бандитов. После череды недавних неудачных дублей он чувствовал, что уже подошел к самому порогу разгадки. Он внимательно изучал выражения лиц героев на экране, зажав в руке зеркальце и снова и снова отталкивая собственную мимику.

В последние дни Чэн Хаоянь также просил знакомых разыскать литературу по криминальной психологии. Выражение лица было почти отработано, оставалось лишь полностью войти в роль.

Чэн Хаоянь закрыл глаза, настраиваясь на нужный лад.

Чэнь Синьбо сидел неподалеку у него за спиной, только что закончив обрабатывать раны другому актеру. Взглянув на Чэн Хаояня и заметив, как его облик становится всё более мрачным и тяжелым, Чэнь Синьбо ощутил, как в его вечно спокойном вкрадчивом взгляде пробивается росток тревоги.

В последние дни Чэн Хаояню в основном доставались фрагменты, относящиеся к середине и концу арки его персонажа.

Ян Сывэй начинает догадываться, что в горной деревушке творится что-то неладное, и одновременно раскрывается истинная натура Лу Аньяня.

От этой деревеньки веяло странностью. Последние дни Ян Сывэй под руководством Лу Аньяня осваивался в селении; возможно, чужаков здесь видели слишком редко, но все крестьяне смотрели на него со скрытым ужасом.

И вот посреди ночи кто-то постучал в дверь дома Ян Сывэя.

Ян Сывэй отпер дверь — на пороге стоял тот самый старик, о котором ему рассказывал Лу Аньянь, местный житель с окраины деревни.

В отличие от дневного времени, когда глаза старика казались затуманенными, словно от преклонных лет и помутившегося рассудка, сейчас его взгляд был пугающе пронизательным.

Едва переступив порог, старик торопливо захлопнул дверь:

— Убирайся отсюда, пока можешь, не задерживайся здесь.

Профессиональная интуиция подсказала Ян Сывэю, что это может быть важной зацепкой, и он поспешно спросил:

— Почему вы так говорите? Вы что-то знаете?

— Берегись... — старик не успел договорить, как снаружи раздался голос Лу Аньяня:

— Учитель Ян, вы спите? К нам во двор только что забралась лиса, не знаете, не забежала ли она к вам?

Как только Ян Сывэй, выслушав Лу Аньяня, повернулся обратно, намереваясь расспросить

старика, тот уже сбежал, выпрыгнув через заднее окно.

Ян Сывюю оставалось лишь распахнуть дверь:

— Сюда она не заглядывала.

Стоявший на пороге Лу Аньянь выглядел глубоко встревоженным, его брови сошлись на переносице:

— Безумно боюсь, что лиса утащит моих цыплят.

— Я помогу тебе поискать, — Ян Сывэй похлопал Лу Аньяня по плечу. — Вдруг она уже убежала?

— Ага! — Лу Аньянь расплылся в улыбке, и на его щеках проступили две мелкие ямочки. — Спасибо, брат! Кстати, — он неожиданно указал на полуприкрытое окно комнаты Ян Сывэя, — ночью холодает, лучше закрывайте окно, когда ложитесь спать, иначе простудитесь. А я пойду поищу во дворе!

Стоило Лу Аньяню отвернуться, как улыбка мгновенно исчезла с его лица. Во взгляде промелькнула зловещая хищность, напоминавшая затаившуюся ядовитую змею, готовую в любой момент нанести удар, а жажда убийства в его глазах казалась почти осязаемой. Он быстрым шагом направился к курятнику на улице.

Ранним утром Ян Сывэя разбудили испуганные крики сельчан:

— Старик с околицы умер!

— Снято! — возбужденно вскочил режиссер. — То, что надо! Чэн Хаоянь, отлично сыграно!

Режиссер уже было бросился к парню, собираясь заключить его в объятия, но не успел сделать и пару шагов, как Хуан Лэжун преградил ему путь:

— Погодите, с этим пареньком что-то не так.

Только тогда режиссер заметил, что Чэн Хаоянь так и стоит на прежнем месте, не шевелясь. Его свирепые глаза напоминали темное ночное небо — глубокие, мрачные, с недобрый холодным блеском на дне.

Даже температура вокруг него, казалось, упала на несколько градусов.

Дурное дело, парень до сих пор не вышел из образа.

Сердце режиссера ухнуло в пятки. Работая в этой сфере, он прекрасно знал, что актеры нередко погружаются в роль настолько глубоко, что не могут вовремя стряхнуть с себя персонаж, а в запущенных случаях даже требуется помощь психотерапевта.

А поскольку Чэн Хаоянь играл подобную роль впервые, у него не хватало опыта, и он вошел в образ на чистом надрыве, поэтому выйти из него оказалось так тяжело.

— Чэн Хаоянь, иди сюда.

В этот самый момент раздался приятный мужской голос. Отыскав глазами источник звука, режиссер увидел неподалеку симпатичного мужчину в белой рубашке.

Фигура Чэн Хаояня дрогнула, в глазах мелькнуло замешательство, но леденящая аура вокруг него уже рассеялась.

Он послушно подбежал к окликнувшему его человеку.

Едва оказавшись рядом, Чэн Хаоянь позвал:

— Брат!

Его голос звучал мягко и нежно, с едва уловимой ноткой обиды. Чэнь Синьбо опустил взгляд и ласково пригладил волосы Чэн Хаояня, растрепанные ветром во время бега.

— Похоже, переживать не о чем, — Хуан Лэжун сунул руки в карманы и, развернувшись, направился отдышаться.

У этого паренька во второй половине ночи сцен не было, а вот у него самого — еще как были!

Режиссер не удержался от тихого бормотания: неужели у врачей и правда такой целебный эффект? Но, подумав немного, он всё же сказал Чэн Хаояню:

— Чэн Хаоянь, ступай пока отдохни, завтра твои сцены, приходи в норму.

— Хорошо, брат.

Режиссер махнул рукой и вернулся к работе.

— Сначала иди в гримерку, смой грим, а потом я отведу тебя как следует отдохнуть, — голос Чэнь Синьбо звучал так мягко, словно журчащий ручеек, проникая прямо в сердце Чэн Хаояня.

Чэн Хаоянь кивнул и отправился в гримерную смывать грим.

Далекie горные хребты смутно вырисовывались в сумерках. В сгущающейся ночи деревенские домики и поля отчетливо белели под лунным светом, а две фигуры медленно удалялись по сельской гравийной дороге, растворяясь вдали.

Обретя нужное эмоциональное ощущение, в последующих сценках Чэн Хаоянь чувствовал себя гораздо увереннее. Поскольку режиссеру теперь требовалось доснять кадры, которые могли понадобиться для других персонажей в поздних сценах, Чэн Хаоянь на какое-то время наконец смог перевести дух — ночных переработок больше не было.

Впрочем, у Чэн Хаояня всё равно не оставалось времени на посторонние мысли: финальные сцены требовали сильнейшего эмоционального накала, и ему приходилось тратить все силы на изучение сценария.

Наконец настал день съемок сцены гибели персонажа Чэн Хаояня. И хотя сериал еще не был полностью отснят, на этой маленькой деревенской локации работы для него заканчивались.

По сюжету сегодняшний день знаменовал завершение этапа расследования для Ян Сывэя: обладая имеющейся информацией и пусть даже чувствуя неладное, он всё же был вынужден вернуться, чтобы добыть новые улики.

Как раз когда Ян Сывэй добрался до городка и устроился в автобусе, ему пришло сообщение от руководства касательно наркобарона, за которым его команда охотилась столько времени: у того имелся приемный сын. Этот названный сын прятался настолько искусно, что казался

призраком, однако почерк каждого его убийства и показания других пойманных наркоторговцев неопровержимо доказывали его существование.

К сообщению прилагалась фотография — фоторобот, составленный полицейским художником-криминалистом со слов преступников.

Глядя на портрет, Ян Сывэй поймал себя на странном чувстве: лицо казалось смутно знакомым. Эти черты... Ян Сывэй внезапно вспомнил того паренька из горной деревушки.

Холодок пробежал по спине, волосы на теле Ян Сывэя встали дыбом. Чуть ли не спотыкаясь, он вывалился из автобусного салона. В памяти всплыло, с каким испугом деревенские провожали его взглядом по приезду: неужели они боялись вовсе не его, а Лу Аньяня? И того старика, что ночью приходился к нему в дом, тоже убил он? Разве мог такой юноша оказаться приемным сыном наркобарона?

Ян Сывэй не помнил, как вернулся в деревню. Лишь заметив, что вокруг ни души, он резко пришел в себя — куда все пропали? Лихорадочно озираясь, он наконец заметил силуэты в том месте, где тропа уходила вглубь гор. Крадучись следуя за ними, он примерно полчаса спустя вышел к входу в ущелье, о существовании которого даже не подозревал за всё время своего пребывания здесь.

Осторожно проскользнув в ущелье, Ян Сывэй едва не лишился дар речи от открывшегося зрелища: внутри росло огромное поле мака. А среди мелькавших вдали фигур он безошибочно узнал каждого — все они были жителями той самой деревни.

— Разве вы не уехали на автобусе, учитель Ян? — раздался у него за спиной голос юноши, в котором звучали легкая дрожь, а также глубокое сожаление и грусть.

— Это ты во всем замешан? — Ян Сывэй резко обернулся к Лу Аньяню. Его голос дрожал от сдерживаемой ярости, в глазах полыхал огонь, а пальцы мелко подрагивали, указывая на маковое поле: — И моих коллег тоже ты убил?

Лу Аньянь не ответил на вопрос. Подняв голову, он посмотрел на Ян Сывэя, но взгляд его был расфокусирован — в нем читались осенняя тоска, скорбь и увядание.

— Я просто хотел выжить.

С этими словами Лу Аньянь поравнялся с Ян Сывэем, подошел к краю макового поля и продолжил:

— Ты мне даже нравился. Как бы мне хотелось, чтобы ты уехал... Я вернулся только тогда, когда проводил тебя до автобуса. Уехал бы ты вовремя, уехал бы...

Лу Аньянь резко развернулся, и серебристый блеск полоснул прямо по горлу Ян Сывэя.

— Мне не пришлось бы тебя убивать.

Вся первая половина жизни Лу Аньяня состояла из приказов. С малых лет он усвоил лишь две вещи: первую — как убивать людей, и вторую — если хочешь выжить, просто подчиняйся.

Позже его забросили в эту деревню. Местные жители панически его боялись и старались не обращаться к нему без крайней необходимости.

Но ему здесь нравилось: здесь были горы, множество зверей и совсем иной, нежели у него, уклад жизни.

Наблюдая за тем, как они живут свободной жизнью, Лу Аньяннь невольно ловил себя на светлой зависти.

Еще он очень любил маки, особенно ярко-красные, похожие на языки пламени маки, что являли собой красоту распускающейся жизни и источали неиссякаемую энергию.

Пока не появился Ян Сывэй, открывший ему глаза на то, что на свете существуют люди совершенно иного склада.

Но он не стал сопротивляться. Да и не умел. В его словаре вообще не было такого понятия.

Словно в калейдоскопе, перед глазами Лу Аньяннь промелькнула вся его первая половина жизни. В голове сильно шумело, он с трудом, шатаясь, поднялся с земли. Сердце у него было не таким, как у остальных людей — оно располагалось с другой стороны, и, должно быть, именно поэтому ему удалось удержать ускользающую жизнь.

Впрочем, при такой потере крови выжить вряд ли удастся.

Лу Аньяннь расплылся в улыбке — грустная улыбка, в которой смешались горечь и беспомощность, словно луч солнца сквозь бесконечную морось дождя. Он еще раз окинул взглядом маковое поле.

Лу Аньяннь проиграл. Он никак не ожидал, что подмога Ян Сывэя подоспеет так быстро. В тот самый миг, когда он уже готов был нанести удар, глядя на лицо Ян Сывэя, он почему-то внезапно засомневался. Это было впервые, когда он испытал подобное чувство. Он замешкался — всего на долю секунды, — и из-за этой заминки подоспевший издалека отряд настиг его пулей. На его груди тоже распустился прекрасный алый мак.

Падая, он успел заметить на лице Ян Сывэя испуг и глубокую скорбь.

Он знал, что умирает.

Замешанных в деле оказалось слишком много, и во избежание побегов всех их предстояло немедленно увезти.

Когда колонна машин приблизилась к деревенской окраине, оттуда внезапно повалил густой черный дым. Там же находилось маковое поле! Кто остался позади? В голове Ян Сывэя медленно зародилось одно имя: неужели он не умер? Следом за этим на другом конце деревни тоже вспыхнул пожар. Поскольку деревенские постройки состояли преимущественно из соломенных хижин, огонь распространялся с пугающей быстротой.

И тут посреди бушующего пламени раздался знакомый голос:

— Лу Аньяннь!